

ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ХРОНОЛОГИИ ЛИТОВСКОГО СТАТУТА В МОСКОВСКОМ ПЕРЕВОДЕ-РЕДАКЦИИ XVII в.

Л. СУДАВИЧЕНЕ

Литовский Статут в московском переводе-редакции¹ представляет важный источник при изучении русско-белорусских языковых отношений XVII в. Однако изучение этого памятника усложняется тем, что памятник не датирован.

В литературе, посвященной исследованию МПРЛС, высказано предположение, что рукопись перевода Литовского Статута² относится ко времени 20—40 гг. XVII в. Но и догадка И. И. Лаппо³, и предположение А. В. Соловьева⁴ основывались главным образом на данных водяных знаков⁵. Не имея никакой больше аргументации, вряд ли это мнение можно считать вполне доказанным. Впервые на это обратил внимание П. Я. Черных, изучая источники Уложенной книги 1649 г. По его замечанию, данные водяных знаков являются малонадежным материалом для точного определения времени написания той или другой рукописи, особенно для позднего времени⁶. Отмечая некоторые особен-

¹ В работе использовано печатное издание И. И. Лаппо, Литовский Статут в московском переводе-редакции, Юрьев, 1916 г. и принято сокращение МПРЛС.

² Рукопись перевода Литовского Статута находится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (отдел рукописей собрания Общества истории и древностей Российских, шифр: ф 205, № 251). Некоторые сведения об этой рукописи можно найти в статье автора «О московском переводе-редакции Литовского Статута», Уч. зап. высш. уч. зав. Лит. ССР, «Языкознание», т. 7, Вильнюс, 1963, стр. 6—11.

³ И. И. Лаппо, Литовский Статут в московском переводе-редакции XVII столетия, ЖМНП, 1914, февраль, стр. 213 и др.

⁴ А. В. Соловьев, Вновь открытый перевод Литовского Статута, «Исторические известия», кн. 1, М., 1917, стр. 35—36.

⁵ По нашей просьбе заново были проверены водяные знаки рукописи перевода Литовского Статута, за что выражаем глубокую признательность тов. Э. Лауцявичусу. Из 9 установленных знаков 8 обнаружено в атласе Гераклитова (№№ 1119—1141, 41, 42, 656. 1933, 1934). Все они имели распространение в период от 1624 до 1644 г. Не обнаружен в атласе Гераклитова знак, встретившийся на лл. 1 и 29.

⁶ См. П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 г., Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 35.

ности языка перевода Литовского Статута сравнительно с языком Уложенной книги 1649 г., П. Я. Черных приходит к выводу, что «в своей совокупности, в целом языковые данные все же свидетельствуют скорее в пользу предположения о позднем происхождении перевода»⁷.

Все это говорит о том, что для окончательного решения вопроса о времени появления перевода Литовского Статута необходимо тщательное изучение всех сторон этого важнейшего памятника русско-белорусских отношений XVII в.

В настоящей статье мы ограничили свою задачу лишь тем, чтобы, по возможности, на основании лексических данных высказать некоторые соображения о времени создания московского перевода Литовского Статута, и надеемся, что данная работа в какой-то степени поможет приблизить решение вопроса о хронологии памятника. Привлекая лексический материал⁸ с целью установления времени перевода Литовского Статута, мы руководствовались следующим: дать этимологическую и количественную характеристику слову, отмеченному в исследуемом тексте, определить его значение, привлекая для этого контекст из МПРЛС, установить по Картотеке ДРС или по другим источникам дату первого появления слова в памятниках письменности и на основании этого высказать некоторые соображения.

Аренда. В МПРЛС слово *аренда* употребляется один раз в значении «наем (пользование) недвижимого имущества на договорных началах»: *Кто бы, имѣючи отъ кого имѣнье арендою, въ сосѣдстве кому насильство или шкоту учинилъ* (загл. 4.51.165)⁹.

По происхождению слово *аренда* латинское (лат. *arrenda*), проникшее в русский язык так же, как и в белорусский, через посредство польского языка. По мнению Я. К. Грота, слово это пришло к нам через остзейские провинции, бывшие некогда под владычеством Польши, а затем Швеции (польск. *aręda, arrenda*, шведск. *arrende*)¹⁰.

Русскому литературному языку первой половины XVII в. данное слово, как и его производные, было чуждо. В памятниках письменности, по данным Картотеки ДРС, оно встречается лишь в 1665 году, да и то в документе юго-западного происхождения: «...бьетъ челомъ гетманъ съ войскомъ чтобъ села, мельницы... арендамъ не подлежали...» (СГГД, т. 4, стр. 159). Отмечает слово *аренда* Смирнов и приводит пример из рукописного собрания гр. Уварова: «Неминушіяся срокомъ аренды»¹¹.

Приведенные данные свидетельствуют в пользу позднего происхождения МПРЛС. Возможно, конечно, учитывая влияние южно-рус-

⁷ П. Я. Черных, Указ. соч., стр. 38.

⁸ Выбор этих слов обусловлен тем, что мы располагаем более или менее точными сведениями относительно их распространения в памятниках письменности.

⁹ Первая цифра обозначает статью, вторая — главу, третья — страницу.

¹⁰ См. Я. К. Грот, Филологические разыскания (1852—1892 гг.), СПб., 1899, стр. 464.

¹¹ Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, Сб. ОРЯС, т. 88, СПб., 1910, стр. 43.

ской письменности¹² на письменность Московской Руси, перевод Литовского Статута появился несколько раньше тех сведений, которыми располагает Картотека ДРС относительно употребления этого слова, т. е. до 1665 г.

О позднем происхождении МПРЛС свидетельствует и наличие в тексте перевода производных от слова *аренда*.

Так, прилагательное *арендованое* встретилось в МПРЛС один раз и в сопровождении пояснения (глоссы): *...гдѣ бы хто, имѣючи отъ кого имѣнье арендованое, то есть закладное, и кому бы иному въ сосѣдстве насильство или бой, ... учинилъ, ...* (4.51.165). Введенное переводчиком пояснение очень удачно. Оно позволяет говорить о том, что слово *арендованое* так же, как *аренда*, имело распространение, но не было еще общепонятным.

Наличие же слова *арендарь* (2 раза), очевидно, следует рассматривать как эпизодическое индивидуальное употребление его переводчиком. Срв. *...въ чемъ ему отъ того арендаря (в ЛС арендара) ис того имѣнья дѣяться будетъ, ...* (4.51.165). Правда, в словаре Даля (1, 22) слово *арендарь* отмечается, но лишь в значении «шинкарь», «корчмарь» и с пометой «южн. зап.». Слово же *арендатор*, очевидно, переводчику еще не было известно, т. к. по Картотеке ДРС оно отмечается лишь с 1726 г. (Протоколы, журналы и указы верховного совета, 6, 481).

Ефимок. Сравнительно поздним является и слово *ефимок*¹³, которое встретилось в тексте дважды (один раз в заголовке главы): *...если бы кто золотые или яфимки (написание упрощено) обрѣзывалъ, ...* (1.17.47). Слово *яфимокъ* в переводе ЛС выступает в значении «серебряная монета» (срв. в ЛС — *О фальшованью монеты, ...* (стр. 83) и дальше *...которые золото, серебро и инѣшую матерю, належачую... ку мынцы, фальшовали бы, ...* (там же).

Известно, что данное слово, иностранное по происхождению (из *Joachims thaler*), появилось в Москве сначала как название иностранного талера, а со времени денежной реформы 1656 г. как название нового серебряного рубля¹⁴. Правда, слово это было известно и в начале XVII в.: срв. в «Актах юридического быта древней Руси»¹⁵: «...на сто ефимковъ, ефимковъ любскихъ», но большее распространение получает оно во второй половине XVII в. Так, в книге П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 г.» находим пример из документов посольства Толочанова в Имеретию 1650—1652 гг.: «...по двадцети тысяч ефимков». По Картотеке ДРС отмечается это слово в Донских делах (2, 733): «...въ четыре ефимка любскихъ»; в РШЭО (№ 167, 1663 г.):

¹² В южно-русской письменности слово *аренда* имело распространение в 30-х годах XVII в. См. И. И. Огиенко, К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре I, РФВ, т. 66, стр. 361.

¹³ См. об этом П. Я. Черных, Указ. соч., стр. 50.

¹⁴ Излагаем по книге П. Я. Черных, стр. 50.

¹⁵ АЮБ, т. 2, 1864, стр. 63 и сл. (Книги записные 1610—1611 гг.).

«...по чему ему за те проданыя товары ефимки въ той банке взяти, ...»; в ДАИ (5, 1667 г., 185) и в др. источниках. В Соборном Уложении 1649 г. слово это отсутствует.

Инструкция. Данное слово в МПРЛС встретилось один раз в значении «постановление», «распоряжение», нпр., ...*устанавливаемъ, чтобъ передъ всякимъ сеймомъ великимъ валовомъ за двѣ недѣли всѣ того государства... паны рада и послы земскіе съѣзжались въ Слонимъ городъ, и тамъ отъ всѣхъ повѣтовъ всѣ инструкціи, сіурѣчь наказы, свои снести въ место и всѣмъ единодушно въ милости и въ любви братской о всякихъ делахъ... думать и совѣтовать...* (4.8.83). В Материалах Картотеки ДРС слово *инструкция* появляется с 1656 г. в «Актах о сношениях со Швецией»: «...да тотъ же А. Волякса посланецъ подалъ инструкцію, за его Адамовою рукою, а въ той инструкциѣ написано, что ваше королевское в-во вручилъ ему заставу, ...» (ДАИ, VI, 1656 г., 455). Следующий пример употребления этого слова относится к 1684 г.: «...понеже они многократнымъ ихъ монастырскимъ грамотамъ и частьюемъ моимъ гетманскимъ листомъ, инструкции польской не выдавъ, нынѣ не въ свои дѣла вступающа и раздоры внести хотятъ» (ДАИ, XI, 1684 г., 165). В петровскую эпоху это слово получает довольно широкое распространение¹⁶.

Вряд ли можно допустить, что в МПРЛС имеем более ранний пример употребления слова *инструкция*, т. е. раньше 1656 г. Уже тот факт, что переводчик ввел его в текст и сопроводил вполне идентичным пояснением *наказ* свидетельствует о том, что слово было известно в официальных кругах, но не было еще общепонятным. Отсюда стремление переводчика — ввести чужое слово и сделать его вполне доступным для понимания.

По происхождению слово латинское (от латинск. *instructio*), появившееся в русском языке при польском посредстве (срв. польск. *instrukcja*). Впервые отмечается слово *инструкция* в «Лексиконе вокабулам новым» (л. 7, об.)¹⁷: «*инструкция — устройство*».

Квит. До некоторой степени аргументом в пользу позднего происхождения перевода Статута можно считать наличие слова *квит* (2 раза): *А квитовъ, сіурѣчь явокъ, отъ гетмана никакихъ ратнымъ людемъ имать не надобеть; разве бы кто самъ объ томъ билъ челомъ, квити (в рукописи земквити — л. 64, об.) по ихъ челобитью давать (2.16.68)*. В Картотеке ДРС данное слово отмечается 1570 г.: «...писали есте о литвинѣ о Борискѣ Одреевѣ, что у него взялъ приставъ Федоръ Нагой кабалу квити на пять рублевъ, что былъ ему виненъ Иванъ Зубатой, и мѣлъ бы то зыскавши отдати, ... и Федоръ (написание ф упрощено) Нагой пяти рублевъ не отдалъ, а квиту не вернулъ; ...» (Пам. дипл. сн. МГ с П-Л, т. 3, стр. 759). Однако наличие единственного примера и притом в памятнике западного происхождения не по-

¹⁶ См. Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer, Heidelberg, 1953, I, S. 485.

¹⁷ Н. Смирнов, указ. соч., стр. 370.

звояет говорить о его распространенности в русской письменности конца XVI в. В южнорусской письменности слово *квит* отмечается с 1643 г.¹⁸ В русской письменности это слово получает большее распространение лишь в эпоху Петра Первого¹⁹, что, очевидно, дало возможность Фасмеру (1, 547) считать это слово поздним, проникшим в русский язык в петровскую эпоху.

По происхождению слово *квит* является заимствованием из польского языка, в котором *kwit* обозначает «расписка», «письменное доказательство в получении чего-нибудь», «долговое обязательство» и восходит к латинскому *quietus* — «спокойный»²⁰ (срв. нем. *quitt* — «расчитавшийся»).

Наличие слова *квит* в Московском переводе и особенно употребление формы множественного числа *квиты* в то время как в Литовском Статуте встречается форма единственного числа *квитъ* — свидетельство о позднем происхождении перевода, приближающим его ко времени Петра Первого. Введенное же переводчиком пояснение *явка* к слову *квит* передает его основное значение «документ», и в этом смысле указанные слова синонимичны.

Клеймо. Не раньше второй половины XVII в. появляется и слово *клеймо* (имеем в виду написание с *м*); по данным Картотеки ДРС, отмечается это слово в Грамоте Морозова приказчикам 1659 г.: «**клеимо поташное, что на бочки... кладете**» (Хоз. Мор., стр. 36). Характерно, что в памятниках письменности XVII в., слово *клеимо*, как и в польском языке *klejnot*, встречается и в значении «герб», т. е. в таком значении, как и в исследуемом памятнике. Срв. «...**клеимо государево и всех вселенских сего света государств**» (Заб., 1669 г., стр. 215); «...**свои собные клеима на печатѣхъ имѣють**» (Косм., 1670 г., стр. 187) и более поздние примеры. К концу XVII в. появляются и производные от слова *клеимо*: *клеименый*, *клеимить* (ДАИ, 5, 1699 г., № 293).

Следовательно, если учитывать показания памятников письменности, то лексема *клеимо* получает распространение, в основном, во второй половине XVII в. Очевидно, не раньше этого времени появился и МПРЛС, где данная лексема отмечена 5 раз в значении «знак»: «...а **клеимо на тѣхъ мѣрахъ положить урядовое**, ... (3.36.104); «...**мѣры за клеимами** (там же); «...**даемъ подѣ клеимомъ того государства... печать**, ... (4.12.128).

¹⁸ И. Огиенко, указ. соч., стр. 363.

¹⁹ Письма, указы Петра В. 1716 г., стр. 48; 1723 г., стр. 515—516; Переписка и бумаги Шереметьева, 1710 г., СПб., 1879.

²⁰ В ССРЛЯ (V, 917) слово *квит* отмечается как устарелое (неупотребительное в наше время), но неправильно возводится к французскому *quitté* — «ничего не должный». См. канд. диссерт. автора «Лексические особенности Московского перевода — редакции Литовского Статута 1588 года», Вильнюс, 1964, стр. 75.

Что касается этимологии слова *клеймо*, то имеются две точки зрения: одни²¹ исследователи считают, что данное слово проникло из ср.-в.-нем., в котором *klejnōt* — «драгоценности», или из н.-в.-нем. *kleinod*; другие²² — из немецкого **kleim* (возможно, ср.-н.-нем. *klēm*, ст.-англ. *clām*, англ. диал. *cloam*). Имеется слово *klejmo* в чешском и польском языках, в которые оно проникло, по мнению Махека (202)²³, из русского языка.

Конституция. К словам, частично употреблявшимся в памятниках письменности XVII в., можно отнести слово *конституция*. Фасмер (1, 616), ссылаясь на Христиани (30)²⁴ и Смирнова²⁵, связывает появление этого слова в русском языке с Петровским временем (1704 г.). Однако памятники письменности, правда, несколько специфические, дают более ранние показания относительно этого слова. Так, в «Актах о сношениях со Швецией» встречаем: «...*соймомъ о томъ подтверждено и въ констытуцью напечатано, и въ порубежные города разослано*» (ДАИ, VI, 1653 г., 430); в «Грамоте виленского воеводы кн. М. Шаховскому 1658 г.»: «*Да онижъ войтъ и бурмистры... били челомъ намъ Великому Государю нашему..., чтобъ пожаловати ихъ урядниковъ и мѣщать, на которые дѣла королевскихъ привилій и конституцій соймовыхъ у нихъ нѣтъ*» (СГГД, ч. IV, 32) «...*всѣхъ тѣхъ... обвиненныхъ людей... на соймъ позвать, и на соймъ противъ констытуцьи... отсудя, ... казнити...*» (АИ, IV, 1665 г., 351).

Приведенные примеры позволяют высказать предположение, что слово *конституция* появилось в памятниках письменности второй половины XVII в., но, как правило, данной лексемой пользовались в документах, обращенных в Польско-Литовское государство. По всей вероятности, не раньше этого времени появился и изучаемый памятник, особенно, если учесть, что указанное слово в МПРЛС встретилось всего лишь один раз и в сопровождении пояснения *уложение*: «...*и о томъ особно въ констытуцїи сіурѣчь въ сеймовомъ уложение, описано будетъ* (3.29.97). Введенное переводчиком пояснение очень удачно. Оно свидетельствует о том, что работникам Посольского приказа (место перевода ЛС) слово *конституция* было известно, но общепонятным слово это еще не считалось. Правда, знакомство русского читателя с этим словом могло быть и раньше тех сведений, которыми располагает Картоотека ДРС, если учесть влияние южнорусской письменности, где слово *конституция* отмечается в памятниках письменности 1633 г.²⁶ Большее распространение получает это слово в Петровскую эпоху. «Лекси-

²¹ См. Срезневский, I, 1217; J. Mikkola, Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch, 1938, S. 58; Louise Wanstrat, Beiträge zur Charakteristik, des russisches Wortschatzes, Berlin, 1933, S. 92.

²² Вернекер, Etymologisches Wörterbuch, I, 511; Vasmer, I, 567.

²³ Machek V., Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957.

²⁴ Christiani, Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache die 17. und 18. Jahrhunderts, Berlin, 1906.

²⁵ Н. Смирнов, указ. соч., стр. 155.

²⁶ См. И. Огиенко, указ. соч., стр. 363.

кон вокабулам новым» определяет его так: «*конституція — учрежде-
ніе, установленіе*» (Смирнов, стр. 371).

По происхождению слово латинское (*constitutio*), проникшее в русский язык при посредстве польского языка (срв. польск. *konstytucja*).

Конфедерация. Данная лексема в тексте перевода встретилась 5 раз, причем дважды переводчик ввел ее от себя в то время, как в ЛС слово это отсутствует: *А конфедерация пишется такъ...* (3.3.76); *...чтобъ тоѣ конфедерации, сирѣчь приговору, какъ мы, государь, такъ бы и всѣ жильцы тѣхъ государствъ держали* (3.3.76).

Слово *конфедерация* (от лат. *confœderatio* — «союз») в Литовском Статуте обозначает «временный союз шляхты во время межкоролевств в целях реализации важных политических мероприятий». Переводчик же Статута, введя это слово в текст перевода и сопроводив пояснением *приговор*, не точно передал его значение. Наличие этого слова в тексте перевода, очевидно, можно объяснить простой транслитерацией чужого слова.

Впервые засвидетельствовано слово *конфедерация* — «соединение» в «Лексиконе вокабулам новым». В Картотеке ДРС самый ранний пример употребления этого слова относится к 1703 г. (Ведомости Петра Первого). Учитывая все сказанное, вряд ли можно допустить, что МПРЛС создавался на много раньше этих сведений.

Лежа. До некоторой степени аргументом в пользу позднего происхождения перевода ЛС (Литовского Статута) можно считать и наличие таких слов, которые в период его создания ощущались как устарелые и нуждались в пояснении. Так, например, если для первой половины XVII в. слово *лежа* в значении «постой воинских частей в населенных пунктах» было понятным и не нуждалось в пояснении, то для периода создания МПРЛС оно уже воспринималось переводчиком как устарелое, выходящее из употребления. Срв.: «*А въ корельскомъ де уѣздѣ при нихъ было по деревнямъ на лежѣ нѣмецкихъ людей конныхъ 200 человекъ, а пѣшихъ 100 человекъ, а съ черкасы они въ миру, ...*» (АМГ, 1; 1614 г., 107); «*А говорятъ де, государь... что Литовской де король съ Трскимъ помирился на пять лѣтъ, и вызвалъ де Литовской король зъ Запорогъ Запорскихъ черкасъ всихъ къ себѣ въ Литовские города на лежу, и сказана де имъ королевская служба*» (Донск. д., кн. 1, 341); «*...когда воинския люди на леже, а не на поли, и тогда урядниковъ не надобе, какъ есть квартеръместоръ сирѣчь станоставецъ*» (Учен. ратн., 25²).

В МПРЛС лексема *лежа* отмечена дважды в форме именительного падежа множественного числа: *...или гетманъ нашъ укажетъ и лежи, сирѣчь станы розпишетъ* (2.23.72); *Естьли бы кто ис подданныхъ нашихъ, ... называючися служивыми людьми, безъ листовъ нашихъ... на лежи сталъ...* (2.27.73). Введение этой лексемы в текст перевода и особенно сопровождение пояснением *станы* заставляет предположить, что слово *лежа* в период создания МПРЛС воспринималось как «периферийное», в то время как слово *стан* было широко употреби-

тельным. Следовательно, перевод Статута создавался позднее тех данных, которыми располагает Картотека ДРС относительно слова *лежа*.

Что касается происхождения, то скорее всего слово *лежа* было принадлежностью западной группы славянских языков (срв. польск. *leża*, чешск. *leženi*)²⁷.

Мандат. В Картотеке ДРС имеется всего лишь два примера со словом *мандат*: «*И тые послы брата нашего, будучи съ паны радами нашими на обмовѣ, ... ихъ милости листу мандату тое моцы, о которой перво маючие въ себѣ повѣдали, потомъ не отказали на постановенья и скончанье тыхъ дѣлъ, што межи нами... кровопролитье размножаетъ, и некоторого иного листу въ себе, ... не повѣдили, ...*» (Пам. дипл. сн. МГ с П.-Л., III, 1567 г., 557); «*Полковникъ Яганъ Пошка проситъ, чтобъ учинить жалованье по его царскому величеству мандату*» (Письма и бум. П. В., III, 1704—1705 гг., 9). В первом примере иноязычное слово *мандат* употребляется не в русском языке и контекст не позволяет установить его значение. Во втором — в русском языке и в значении «распоряжение».

В МПРЛС слово *мандат* встретилось 7 раз и только в значении «приглашение в суд»: **Мандаты**, *сирѣчь зазывные грамоты наши, давать въ нашихъ государьскихъ делахъ и в ызмѣне рѣчи посполитой, ...* (1.14.44); *А естли бы кто по кого и взялъ мандатъ нашъ в ыномъ дѣле, и отвѣтчику такихъ мандатовъ не слушать* (1.14.45); *...стать передъ нами, государемъ, съ очей на очи за мондатомъ, сирѣчь по грамоте нашей, ...* (3.14.87). Наличие этого слова в тексте перевода и особенно сохранение его без пояснения (5 раз из 7), а также разнообразие форм, в которых встретилось слово *мандат* в МПРЛС, позволяет предположить, что слово проникало в русский литературный язык XVII в. и, что, скорее всего, это — время, близкое к эпохе Петра Первого.

По происхождению слово латинское (лат. *mandatum*). Русскому языку известно в том значении и фонетическом оформлении, в каком оно было усвоено польским языком (срв. польск. *mandat*).

Маляр. Ко второй половине XVII в. можно отнести появление в памятниках письменности слова *маляр*. В Картотеке ДРС слово это представлено 60-ми годами: «*По указу великого государя... полуголовѣ Ивану Рыкачову, на роздачу кормовыхъ денегъ, ... иконописцомъ, и золоторямъ, и молерамъ, ... двѣсте дватцать рублевъ*» (ДТП, кн. 3, РИБ, 23, 972, 1663—1676 гг.); «*Августа в 7^{9е} куплено моляромъ вина два ведра...*» (Кн. прих. расх. Ив. м., № 20, л. 154 об., 1665 г.); «*...дано моляру старцу Ирину на яща пят алтынъ к ыконному писму*» (Кн. прих. расх. Ив. м., № 53, л. 343 об., 1669 г.). Возможно, что данная лексема была известна в языке и раньше, так как первые сведения о ней находим в «Лексиконе Павмы Берынды 1627 г.» и в сочинении

²⁷ См. Т. Осмоналиев, Из истории русской военной терминологии (К вопросу о польском влиянии на русскую военную терминологическую систему XVII—XVIII вв.).— Славянский сб. II, Киргизский госуниверситет, Фрунзе, 1964, стр. 81—82.

Галаятовского «Небо новое» 1665 г.²⁸ В словарях русского языка слово *маляр* впервые отмечается в «Лексиконе» Вейсмanna²⁹, а затем уже и в более поздних источниках.

В МПРЛС слово *маляр* встретилось один раз и имеет почти такой же фонетический облик как и в Литовском Статуте, нпр., ...**маллерови**, (в ЛС *малерови*), *сіурѣчь иконнику*, ... *тѣмъ всѣмъ головщины по тритцати копѣ грошей*, ... (12.5.349—350). Однако, ни приведенный контекст из МПРЛС, ни примеры из Картотеки ДРС не позволяют точно установить значение слова *маляр*. Несомненно одно, что это ремесленник. Трудно также объяснить, почему именно слово *иконник* выбрал переводчик в качестве пояснения к слову *маляр*. Преображенский (1, 544) полагает, что слово *маляр* проникло в русский язык сначала в значении «живописец», «художник», а позднее оно стало обозначать вообще ремесленника, занимающегося окраской и размалевкой комнат и пр. (Даль, 2, 292). Возможно, что в период создания перевода ЛС слово это и было распространено только в значении живописца и, отражая словоупотребление эпохи, переводчик выбрал нужную замену. Характерно, что в рукописи 1685 г. слово *маляр* дается с толкованием иконописец: «**моляръ: сіурѣчь иконописецъ**» (Орб. Тер., 158²). Следовательно, значение «живописец» за словом *маляр* сохранялось до конца XVII в. Нужно сказать, что слова *иконник* и *иконписец* сохраняли свою синонимичность до конца XVIII в. Срв.: «**Аще иконописецъ есть убо и икона написана быти можетъ, аще же иконника нѣсть, то и иконъ невозможно быти**» (Наука краснор., 31, ркп. XVIII в.).

На основании приведенных данных можно полагать, что МПРЛС создавался не раньше 60 годов XVII в.

Слово *маляр* считается заимствованием XVII в. из польского языка (*malarz, malerz*) через украинское посредство (срв. укр. *маляр*)³⁰. В польском же языке слово *malarz* является переоформлением немецкого *Maler* — «художник», «живописец».

Малевать. Поздним является и глагол *малевать*, встретившийся в МПРЛС один раз в сопровождении пояснения *писать*: ...и *примѣты и пятна всякого коня тутъ же на списку велѣтъ малевать, сіурѣчь писать* (2.10.66). Следует заметить, что переводчику ЛС данный глагол был известен, так как он вводит его от себя, а не под влиянием оригинала, хотя мы и не отрицаем последнего. В ЛС в данном контексте встречаем глагол *намалевати* (стр. 108). Надо полагать, что, если бы слово было не известно, то переводчик сохранил бы написание по аналогии с текстом ЛС. Первые сведения, по данным Картотеки ДРС, об этом слове находим в «Розыскных делах о Фед. Шакловитом и его

²⁸ См. И. Огненко, указ. соч., стр. 364.

²⁹ Э. Вейсмaнн, Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при импер. АН печатанию издан, СПб., 1731, стр. 397.

³⁰ См. Vasmer, 2, 92.

сообщниках»³¹: «...на ледникѣ: полбочки грушного квасу... въ погребѣ, бочка неполна квасу яблочного; трои сани съ увышлами, малеваны розными красками, ... (т. 2, стр. 620). Из словарей впервые зафиксирован этот глагол в «Лексиконе» Вейсмана (стр. 397, 403).

Глагол *малевать* (срв. укр. *малювати*, бел. *малеваць*) так же, как и его производное *маляр*, заимствовано из польского языка, где слово *malować* является словообразовательным переоформлением немецкого *malen* — «писать красками», «рисовать»³². Очевидно, что в период создания перевода ЛС глагол *малевать*, позднее вошедший в словарный состав великорусского языка, не имел распространения, и переводчик совершенно правильно передал его значение, введя лексему *писать*.

Опекун. В МПРЛС слово *опекунѣ* встретилось 4 раза: «...и такихъ недорослей братья или сестры, или опекуны, сирѣчь прикащики, тѣхъ детей отца ихъ или матери головщины доходить повинни; ... (11.42.332); ...а гдѣ кровные или опекуны того не доходили, тогда сами дѣти, какъ лѣтъ доростутъ, а головщине отца или матери судомъ доходить могутъ, ... (там же).

Слово *опекун* (производное от *опека*, срв. укр. *опіка*, словенск. *opěka*, польск. *opieka*) так же, как и *опека*, заимствовано из польского языка. В памятниках письменности появилось не раньше XVII в., если не учитывать наличие этого слова в Письмах Курбского³³: «Кто слышалъ, или кто видѣлъ отъ вѣка, волка о стража овцамъ поставляти, и ядовитого аспида дѣтнамъ опекуна вѣтворити?» (стр. 106). Алфавит³⁴ XVII в. определяет слова *опека* и *опекун* как польские и приводит значение к слову *опекун* — «дятка (написание упрощено) детищу». Встречается это слово в Актах Московского государства: «...а король де Свицкой отдалъ сына своего польскому королю въ опекуны до того, какъ возрастетъ, и ему быть королемъ въ Шведахъ» (АМГ, 3, 1660 г., 85). Остальные примеры в Картотеке ДРС относятся к XVIII в. Из словарей впервые отмечается в «Лексиконе» Вейсмана (стр. 733) и в более поздних источниках. В «Материалах» Срезневского (2, 680) находим лишь отглагольное существительное *опекание* — «опека», «забота», «надзор» и *опекальникѣ* (срв. польск. *opiekalnik*) — «защитник», «поборник». Однако эти слова зафиксированы в памятнике западного происхождения — в Присяжной гр. Мстиславского кн. Семена Лугвenea Ольгердовича Польскому кор. Владиславу 1389 г.

Судя по данным Картотеки ДРС, слово *опекун* в период работы над переводом Литовского Статута широкого распространения не имело. Поэтому переводчик, введя его в текст МПРЛС, сопровождал пояснением *прикащикѣ*, которое вполне передает значение слова *опекун*.

³¹ Слово *малевать* в Картотеке ДРС представлено 1685 г. Кроме указанного источника встречается оно еще в ркп. 1744 г. «Соверш. кучер», л. 35 об.

³² См. А. Г. Преображенский (2, 505); Vasmer (2, 91); Mashek (283).

³³ Данные языка Курбского не могут учитываться как типичные для эпохи, т. к. язык Курбского обилён полонизмами.

³⁴ Алфавит иностранных речей. Ркп. БАН. Арх. д. № 446, XVII в., л. 160 об.

О том, что эти термины синонимичны, свидетельствует и тот факт, что в переводе 1677 г. польской книги «Великое зеркало» слово *прикащикъ* выступает в качестве пояснения к латино-польскому термину *egzekutor*: «...кѣ секуторомъ, сирѣчь прикащикомъ...»³⁵. В МПРЛС слово оригинала *екъзекуторъ*, являющееся синонимом к слову *опекунъ*, не нашло отражения. Переводчик заменяет его лексемой *прикащикъ*. Срв.: *О позыванью опекуновъ або екъзекуторовъ тестаменту духовныхъ особъ* (ЛС, загл., стр. 149) — *Какъ духовнымъ всякого чину людемъ искать судомъ на приказщикахъ душевныхъ по духовной духовныхъ же людей* (МПРЛС, 3.34.102). Сказанное позволяет предположить, что отсутствие слова ЛС *екъзекуторъ* в МПРЛС свидетельствует о том, что перевод Статута создавался раньше, чем перевод польской книги «Великое зеркало». Первые сведения об этом слове находим в «Лексиконе вокабулам новым» (л. 6. об.), где оно выступает в значении «исследователь». Учитывая же данные относительно распространения в памятниках письменности слова *опекун*, вряд ли можно предположить, что перевод ЛС появился раньше тех Актов Московского государства (с 1660 г.), где также встречается это слово.

Охотник. В исследуемом памятнике слово *охотник* встретилось дважды и только в значении «зверолов» (имеется и производное *охотничьимъ* — стр. 369): *...и такой мысливецъ, то есть охотникъ, ... повиненъ жалобщику заплатить три копы грошей, ...* (3.47.111); *«Вѣдамо намъ, что охотники, съ собаками и съ птицами вѣдячи по чюжихъ поляхъ, потопчютъ, хлѣбъ и тѣмъ чинятъ людемъ великіе шкоты, ...* (10.18.298). Для русского языка слово это в указанном значении является довольно поздним. Образовано оно от слова *охота*, которое в значении «звероловство» является, по мнению Фасмера (2, 294), восточнославянским. В «Материалах» Срезневского (2, 838) засвидетельствовано только слово *охочи* (охочии люди) в смысле «добровольцы»: *«Съ дружиною въ малѣ охочихъ людей»* (Пск., 1 л., 6876). По Картолке ДРС слово *охотник* — «зверолов» появляется только с 1666 г.: *«...велѣно, государь, выбравъ звѣринога промыслу охотниковъ лутчихъ людей, сколько человѣкъ пригоже, послать Смоленского уѣзду въ лѣса, въ которые пристойно, тотчасъ, и убить дву лосей...»* (ДАИ, V, 1666 г., 76); следующий пример употребления этого слова отмечается в «Космографии 1670 г.»: *«Урядники двора королевского и челядь... мастеровые люди всякіе челядь конюшенная, челядь обозная, мысливцы сирѣчь охотники птичьи и звѣриные...»* (стр. 281—282).

Возможно, что МПРЛС дает более ранний пример употребления слова *охотник* в памятниках письменности. Однако очевидна связь с «Космографией 1670 г.». Правда, оба памятника являются достоянием творческой работы переводчиков Посольского приказа, поэтому преемственность здесь несомненна. Имеется и еще одна деталь, которая заслуживает внимания. По «Космографии» читатель знакомится с

³⁵ См. П. В. Владимиров, «Великое зеркало», М., 1884, стр. 66.

западнорусским термином *мысливец*, что отмечается и в Картотеке ДРС. В МПРЛС также встречается один раз это слово. Трудно сказать, что побудило переводчика Статута так же, как и переводчика «Космографии», сохранить его. Сказалась ли здесь национальная принадлежность переводчика, если можно предположить, что он был выходцем из Западной Руси, или проявилось стремление показать свою эрудицию. Возможно даже, что перу одного переводчика принадлежат оба памятника русской культуры XVII в.

Парсуна. Данное слово засвидетельствовано Срезневским (2, 882) в Жал. гр. 1388 г. — памятнике явно западнорусском. В Картотеке ДРС имеется только один пример, относящийся к 1662 г.: «*По твоему Великого Государя указу писалъ я холопъ твой Твою государеву парсуну*» (Заб. ик., стр. 49). Зафиксировано это слово Смирновым (стр. 224), но в другой фонетической огласовке со ссылкой на 1692 г. Позднее встречается оно в «Ведомостях Петра Великого»: «*...шляхта у него обѣдали, и имъ персону королевскую показалъ, и того ради много людей собралися, что имянованной посолъ персону при окнѣ на стѣнѣ выставилъ, ...*» (стр. 97).

В исследуемом памятнике лексема *парсуна* встретилась всего лишь один раз в значении «лицо»: «*...если бы шляхтичъ шляхтича на дороге розбилъ и ограбилъ, а тотъ бы его въ парсуну, сирѣчь въ лицо, позналъ, ...* (11.27.321). Введение этого слова в текст МПРЛС и сопровождение пояснением позволяет говорить о его нераспространенности в русском языке изучаемого периода, а это, в свою очередь, дает возможность полагать, что перевод появился не раньше второй половины XVII в.

Примета. Поздним является и слово *примета*. Правда, встречается оно в «Житие Авр. Ч. XV», памятнике, который предположительно датируется концом XVI в. Но этот единственный пример не может иметь особой доказательной силы. Срв.: «*...землю имъ... отдѣлили и имена... и лошади у нихъ въ шерсть и въ лѣта и въ примѣты и въ книги написали и пятномъ государьскимъ запятали, ...*». В XVII в., по данным Картотеки ДРС, слово это появляется лишь во вторую половину: «*А каковы лошади купить в шерсть и в приметы и в лета, и что за нихъ дать ѿ то записывать в книги*» (Гр. Морозова приказчику 1660 г., Хоз. Мор., стр. 133); «*Какъ у моего милого четыре примѣты: что первая-то примѣта — его лице бѣло;...*» (ВНП, 1, 556).

В МПРЛС слово *примѣта* встретилось дважды: «*...и примѣты и пятна всякого коня... малевать, ...* (2.10.66); «*А хто бѣ нарочно, насильствомъ, или ... татѣбнымъ обычаемъ бортное дерево зжегъ или знамя, сирѣчь примѣту, вырубилъ. ...* (10.13.296).

Реестр. Первые сведения об этом слове находим в «Пам. дипл. сн. МГ с П.-Л.»: «*...а посылаемъ до тебе реестръ-перепись дворовъ ихъ милости людей и коней*» (т. 3, стр. 620). Ограничено употребление этого слова и во второй половине XVII в. Так, нпр., в «Грамоте виленского воеводы кн. Шаховскому 1658 г.» читаем: «*...а полковникомъ*

де, государь, и ротмистромъ литовскимъ всемъ войско свое переписать и на реестре подать» (СГГД, 4, 138); в документах Московской Руси после воссоединения Украины с Москвой в 1654 г.: «...а быть казакомъ реестровымъ и впредь в реестръ писать» (СГГД, 4, 308).

Фасмер (2, 504), ссылаясь на Огиенко (стр. 367), отмечает, что слово это появляется в русском языке впервые в 1665 г. Первоисточником считается среднелатинское *registrum* (из лаг. *regestrum* от *regere* — «возвращать»). В русский язык слово это проникло через польское посредство (срв. польск. *rejestr*).

В МПРЛС слово *реестр* встретилось два раза: *...а судити чиновне з реестру, ...* (4.46.161); *...токмо которой прежь въ реестре запишется, того напередъ и судить* (там же). В синонимичном ему значении употребляются слова *списокъ, роспись*: *А естли бы кого кликали по списку (реестру в ЛС) къ суду трожды ...* (4.16.131); *...и всякіе животы, ... переписать подлинно и одну роспись (реестръ в ЛС) отдать въ казну нашу, а другую положить на уряде земскомъ...* (9.24.284). Таким образом, для периода создания перевода Литовского Статута слово *реестр* не было еще общепонятным, и переводчик заменяет его широко употребительными в XVII в. словами *списокъ, роспись* и тем самым совершенно правильно передает значение слова *реестр*. В Петровскую эпоху сфера распространения лексемы *реестр* расширяется, но по преимуществу она все же употреблялась только в канцелярском языке.

Ревизорский. Поздним является и производное от *ревизор* *ревизорский*. В переводе ЛС прилагательное *ревизорский* встретилось один раз: *...мошно доходить всякому судомъ по грамотамъ... и списками ревизорскими, то есть дозорщиковыми, ...* (4.82.191).

Лексема *ревизоръ* впервые засвидетельствована Смирновым (стр. 254) со ссылкой на Полное собрание законов (V, № 2957). В Картоотеке ДРС имеется несколько примеров, но все они относятся к XVIII в. Слово же *ревизорский* не обнаружено в картоотеке ДРС. Наличие его в исследуемом памятнике, очевидно, свидетельствует о позднем времени появления МПРЛС, приближающим его к эпохе Петра Первого.

Слесарь. Во вторую половину XVII в. появилось и слово *слесарь*. В Картоотеке ДРС оно отмечается с 1663 г.: «*Слѣсарь Тимошка Петровъ сковалъ изъ .... желѣза пятьдесятъ пилѣ...*» (Кн. приход.-расход. Ив. м., № 24, л. 11 об. — 12, 1663—1664 гг.); «*Дано ис казны слѣсарю Кириле Петрову за два замка дватцать одинъ алтынѣ...*» (там же, № 53, л. 171 об., 1668 г.).

Слово *слесарь* в МПРЛС встретилось один раз и несколько в измененной фонетической огласовке: *...слюсарю, сіирѣчь броннику, ...—...головщины по тритцати копѣ грошей, ...* (12.5.349—350). Трудно объяснить, что явилось причиной такого написания. Возможно опять сказалась национальность переводчика, в родном языке которого имело распространение польское слово *ślusarz*, которое, как и его фонетический вариант *ślosarz*, обозначало ремесленника, занимающегося

производством замков, ключей, решеток и т. п. мелких железных и стальных предметов³⁶. Что касается значения этого слова, то оно как в Литовском Статуте, так и в переводе, выступает именно в таком значении, в каком известно оно польскому языку, а что касается написания, то возможно под влиянием польского слова *ślusarz* переводчик сохранил звук *у* (слусарь). Правда, приведенный контекст не позволяет уточнить значение этого слова в МПРЛС, в силу его неяркости и в подлиннике. Однако, несомненным является то, что это был ремесленник, так как глава, в которой встретилось это слово, названа «О головщинах ремесных людей», где дается просто перечисление людей, занятых различным ремеслом.

Фасмер (2, 660), ссылаясь на Смирнова (стр. 278), считает это слово поздним, проникшим в русский язык в Петровскую эпоху, но не через польское посредство (ст.-польск. *ślosarz* и совр. польск. *ślusarz*)³⁷, а прямо из немецкого *Schlosser* с заменой *ш* > *с* по ассимиляции.

Учитывая данные Картотеки ДРС и мнение Фасмера, вряд ли можно предполагать, что перевод Литовского Статута появился намного раньше этих сведений. К этому присоединяется и тот факт, что данная лексема в МПРЛС встречается в сопровождении пояснения *бронникъ* — свидетельство того, что слово имело некоторое распространение, но не было общепонятным. Отсюда стремление переводчика — заменить словом понятным, распространенным в русском языке изучаемого периода.

Титул. В МПРЛС данное слово встретилось два раза и выступает оно в синонимичном значении слову *титло*. Обозначает оно «почетное звание», «достоинство». Срв.: *...что тоє славное государство Великое Князство и всѣ земли, издавна и теперъ къ нему прилеглыє, въ славе, въ титулахъ, сирѣчь въ титлахъ, столицы, въ чести и во владѣньє, ... именьшивать и понижать не будемъ, ...* (З.1.74).

Лексема *титълъ* в значении «надпись», «отдел», «глава» известно в памятниках письменности с древнейших времен, первые сведения о ней находим в «Остромировом евангелии» (Срезн., 3, 960). По мнению Фасмера (3, 108), слово *титла* является заимствованием из греческого языка. В смысле «почетное звание», «наименование по сану» отмечается Кочиным (стр. 360) в «Пам. дипл. сн. МГ с П.-Л.»: «*А въ вѣрющей грамотѣ писался король королемъ Полскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ безъ титлы; а великого князя Ивана имя писано безъ титлы жъ, и всеа Руси и ненаписанъ*» (т. 1, стр. 1).

Слово же *титулъ* является более поздним, проникшим в русский язык из латинского (лат. *titulus* — «надпись») при посредстве польского языка (срв. польск. *tituł*). А. И. Соболевский указывает это сло-

³⁶ J. Karłowicz, A. Krynski, W. Niedzwiedzki, Słownik języka polskiego, Warszawa, 1900—1927, t. t. 1—8; t. 6, str. 734.

³⁷ Линде (Słownik języka polskiego M. Samuela Bogumiła Linde, Lwów, 1854, t. 5, str. 333) отмечает, что форма *ślusarz* образована от *ślosarz*, но не указывает время ее появления.

во как нередко встречающееся в Московских документах XVII в. Засвидетельствовано оно в «Лексиконе вокабулам новым»: *титулъ* — *титло* (л. 18 об.).

Однако можно полагать, что слово это в форме *титла* употреблялось чаще в памятниках письменности XVII в., о чем частично свидетельствует и наличие его в качестве синонима к лексеме *титулъ* в МПРЛС. Срв. в сочинении Г. Котошихина³⁸: «...а землю его царь не владѣетъ, только по его послушенству Грузинскимъ пишется въ **ТИТЛЪ** къ христiанскимъ потентантомъ, ...» (стр. 22); «...**ТИТЛА** ого государя:» ... (стр. 40). В XVIII в. встречаются обе формы: «(Александр Невскiй) не **ТИТЛУ** токмо государственную, но и тяжесть государственныхъ дѣлъ со усердiемъ носити тщался»³⁹; «Для сего чину... опредѣленъ будетъ **Офицеръ** подъ **титуломъ** Секретаря и Казначея Ордена» (ПСЗ, т. V, (1713—1719 г.), № 2860). Синонимичное употребление обеих форм в великорусском языке конца XVII и начала XVIII в. нашло отражение в словаре Даля (4, 406). С течением времени эти слова специализировались в своих значениях.

Улика. Не раньше начала XVIII в. появилось и слово *улика*. В словаре Тупикова⁴⁰ (стр. 408) под 1500 г. находим лишь собственное имя (или прозвище) *Стехно Улика Тойбутов*, а как нарицательное существительное лексема *улика* в просмотренных памятниках XVII в. не обнаружена.

В МПРЛС данное слово встретилось 17 раз в значении «доказательство»: *...если бы шляхтичь шляхтича... напрасно... безъ всякихъ уликъ, поклепалъ въ татѣбномъ дѣле...* (14.10.380). В ЛС этому слову в данном случае соответствует сочетание *слушное причины* (стр. 488). В Соборном Уложении 1649 г. лексема *улика* отсутствует, что является в какой-то мере доказательством того, что МПРЛС появился позже Уложенной книги.

Ярмарка. К сравнительно позднему времени можно отнести слово *ярмарка*. В МПРЛС данное слово имеет различное написание: *...на торгу или на ярманке, ...* (14.4.375); *...если бы хто у ково на ярмарку что укралъ, ...* (там же); *...если... убойство учинится... или на ярмарку или у праздника...* (стр. 376). Отмечено оно нами 7 раз. Фасмер (3, 493), ссылаясь на Христиани (стр. 40), считает это слово поздним, появившимся в русском языке не раньше 1648 г. Написание же *ярмонка* (*ярманка*) считается еще более поздним. Дювернуа⁴¹ относит его к 1680 г., а Христиани (стр. 40) — к 1694 г. (Письма Петра).

³⁸ О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина, изд. 2-е Арх. ком., СПб., 1859.

³⁹ Ф. Прокопович, Слова и речи, ч. 2-я, СПб., 1760, стр. 12.

⁴⁰ Н. Тупников, Словарь древнерусских личных собственных имен, СПб., 1903.

⁴¹ А. Дювернуа, Материалы для словаря древне-русского языка, М., 1894, стр. 234.

Поздними⁴² можно считать и такие слова как *деготь, канцелярия, карета, лекарство, мещанский, рабочий, разврат, цыган, чеснок, шепелуга*, сложные слова типа *кровопролитие* и некоторые др.

О позднем происхождении рукописи МПРЛС свидетельствует и употребление некоторых союзов, как-то: *если (естьли), буде, хоти*⁴³.

Особо скажем несколько слов о глаголе *смирять*, который употребляется в МПРЛС в значении «казнить», срв.: *...вольно всякому пану слугу своего шляхтича судить и съ суда, смотря по винѣ, карать, смирѣчь смирять* (3.11.85). Древность этого слова не подлежит сомнению, однако в таком значении оно не употреблялось в памятниках письменности. В Картоотеке ДРС обнаружен всего лишь один пример употребления глагола *смирять* в указанном значении, относящийся к XVII в.: *«Любятъ отцы дѣтей таковыхъ: егда они держатся нравовъ благихъ. Непослушныхъ же и грубыхъ караютъ; и яко злодѣевъ гиенни смирютъ»*⁴⁴. Любопытно, что в сочинении Гр. Котошихина глагол *смирять* также встречается в значении «казнить», «убить», срв.: *«...понеже и сына своего смири на оный свѣтъ, прибиша его осномъ, ...»*⁴⁵. Сопоставляя значение слова *смирять* в МПРЛС и в сочинении Гр. Котошихина, возникает мысль, не принимал ли участия в переводе Литовского Статута этот талантливый человек эпохи, прекрасный знаток польского и русского языков, выходец из Западного края, в течение многих лет работник Посольского приказа⁴⁶.

Таким образом, лексические данные, несмотря на некоторую противоречивость их употребления, в своей совокупности в целом подготавливают, как нам кажется, вывод о позднем происхождении перевода Литовского Статута на русский язык, относящим его ко

⁴² К поздним мы их относим на основании устного замечания проф. П. Я. Черных. Некоторые рассмотрены им в кн. «Язык Уложения 1649 г.». О словах *рабочий, разврат* см. канд. диссерт. автора «Лексические особенности московского перевода-редакции Литовского Статута 1588 г.», Вильнюс, 1964, стр. 143, 170.

⁴³ Об этом обстоятельно изложено в кн. П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 г., стр. 44—49.

⁴⁴ Азбуковник второй (В. В. Буш. Пам. старинного русского воспитания, Пг., 1918, стр. 100—105) к XVII в.

⁴⁵ О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина, изд. 2-е, СПб., 1859, стр. 1.

⁴⁶ См. Я. К. Грот, Новые сведения о Котошихине по шведским источникам, СПб., 1882; А. И. Маркевич, Григорий Котошихин и его сочинение о Московском государстве во 2-й половине XVII в., Одесса, 1895; Р. Пересветов, По следам находок и утрат, Изд. «Советская Россия», 1963, стр. 163—179.

До некоторой степени аргументом в пользу сказанного, по нашему мнению, является и сходство почерков МПРЛС и рукописи Гр. Котошихина (см. канд. диссерт. автора, приложение, стр. 117—126). Некоторые буквы в своих начертаниях настолько сходны (срв. *к, и, л, р, г, м, з, ж, е* и др.), что почерки эти с некоторой вероятностью можно считать идентичными.

второй половине XVII в. Возможно, создание перевода связано и с именем Гр. Котошихина, работника Посольского приказа с 1645 г. по 1664 г. сначала в качестве писца, а затем подъячего.

Vilniaus Valstybinis V. Kaпsuko v.
universitetas
Rusų kalbos katedra

Iteikta
1964 m. birželio mėn.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В СТАТЬЕ

- АМГ — Акты Московского государства, тт. 1—3, под ред. Н. Попова, Изд. АН, СПб., 1890—1901.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Арх. ком., тт. 1—5, СПб., 1841—1842.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России, изд. Арх. ком., под ред. Н. Калачева (XIII—XVII вв.), тт. 1—3, 1857—1884.
- Ведомости — Ведомости времен Петра Великого, вып. 1 (1703—1707 гг.), М., 1903.
- ВНП — Великорусские народные песни, собр. А. И. Соболевским, тт. 1—7, СПб., 1895—1902.
- ДАИ — Дополнения к Актам Историческим, собр. и изд. Арх. ком., тт. 1—12, СПб., 1846—1872.
- Даль — Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1—4, Гос. изд. иностранных и национальных словарей, М., 1955.
- Донск. д. — Донские дела, кн. 2 (РИБ, т. 24, СПб., 1906 г.).
- ДТП — Дела Тайного Приказа, кн. 1 (РИБ, т. 21, СПб., 1907); кн. 3 (РИБ, т. 23, СПб., 1904).
- Житие Авр. Ч. XV — Житие Авраамия Чухломского XV, Ркп. б. Румянцевского музея № 2496, к XVI в.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (П.).
- Заб. — Забелин, И. Е., Домашний быт русских царей, изд. 3, т. 1, М., 1901.
- Заб. ик. — Забелин И. Е., Материалы для истории русской иконописи (Врем. ОИДР, 1850, кн. 7), 1551—1671.
- Картотека ДРС — Картотека Древнерусского словаря АН СССР, М., Институт русского языка АН СССР.
- Кн. прих. расх. Ив. м. — Книга приходно-расходная Иверского монастыря (1663—1669 гг.), Ркп. ЛОИИ, №№ 20, 24, 53.
- Косм. 1670 г. — Книга, глаголемая космография, сиречь описание сего света земель и государств великих, между 1655—1667 гг., сп. 1670 г., СПб., 1878—1881 (изд. ОЛДП, XXI—LXII—LXVIII).
- ЛС — И. И. Лаппо, Литовский Статут 1588 г., т. 2, Каунас, 1938.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских (М.).
- Орб. Тер. — Орбис Терарум: сии речь образец или чертеж всего света земель, Ркп. ГПБ, Q IV, 52, 158² (1685 г.).
- Пам. дипл. сн. МГ с П.-Л. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. 1 (1487—1533), (Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882); т. 3 (1560—1571), (Сб. РИО, т. 71, СПб., 1892).
- Письма Курбского — Письма кн. Курбского к разным лицам (РИБ, т. 31, стлб. 359—472, СПб., 1914).
- Письма и бум. П. В. — Письма и бумаги Петра Великого, тт. 1—7, СПб., 1887—Птрг., 1918.
- Преображенский — А. Г. Преображенский, этимологический словарь русского языка, тт. 1—2, М.—Л., 1949.

РИБ — Русская историческая библиотека.

РШЭО — Русско-Шведские экономические отношения в XVII в. Сб. документов АН СССР, М.—Л., 1960, № 167 (1663 г.).

РФВ — Русский филологический вестник.

Сб. ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности АН (СПб.).

Сб. РИО — Сборник Русского Исторического общества.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Гос. Коллегии иностр. дел., ч. 1—5, М., 1813—1894.

Срезневский — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, тт. 1—3, СПб., 1893—1912.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, тт. 1—14, 1948—1963.

Учен. ратн. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, М., 1647.

Хоз. Мор. — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. боярина Морозова Б. И., ч. 1—2 (1624—1674 гг.), (Материалы по истории феод.-креп. хоз., вып. 1—2, М.—Л., 1933—1936).

IŠ KAI KURIŲ ŽODŽIŲ ISTORIJS, LIEČIANČIOS LIETUVOS STATUTO XVII a. MASKVOS VERTIMO-REDAKCIJOS CHRONOLOGIJOS KLAUSIMĄ

L. SUDAVIČIENE

Re z i u m ė

Lietuvos Statuto maskviškis vertimas yra svarbus šaltinis, tyrinėjant XVII amžiaus rusų ir baltarusių kalbinius santykius.

Tačiau šio rašytinio paminklo tyrinėjimą komplikuoja tai, kad jis nėra datuotas.

Literatūroje, tyrinėjančioje Lietuvos Statuto XVII a. maskviškį vertimą, buvo pareikšta nuomonė, kad Lietuvos Statuto vertimo rankraštis priskirtinas maždaug 20-siems 40-siems XVII a. metams. Tačiau tiek J. Lappo spėjimas, tiek A. Solovjovo prielaida rėmėsi tik rankraščio popieriaus vandeniniais ženklais.

Neturint daugiau jokių kitų argumentų, vargu ar galima šią nuomonę laikyti visiškai pagrįsta. Pirmasis į tai atkreipė dėmesį prof. P. J. Černych, tyrinėdamas „1649 metų Teisyną“. Jo nuomone, vandeninių ženklų duomenys yra labai mažai patikima medžiaga, norint tiksliai nustatyti to ar kito rankraščio parašymo laiką, ypač turint vėlesnio laikotarpio paminklus.

Šiame straipsnyje mėginama, remiantis leksikiniiais daviniais, pareikšti kai kuriuos samprotavimus, liečiančius Lietuvos Statuto maskviškio vertimo parašymo laiką. Autorė, panaudodama leksikinę medžiagą Lietuvos Statuto vertimo laikui nustatyti, vadovavosi tokiu metodu: 1) duoti etimologinę ir kiekybinę žodžio, sutinkamo tyrinėjamame tekste, charakteristiką; 2) nustatyti žodžio reikšmę, remiantis kontekstu; 3) panaudojant Senosios rusų kalbos kartoteką arba kitus šaltinius, stengtis susekti pirminę žodžio atsiradimo datą rašytiniuose paminkluose ir, re-

miantis visais šiais daviniais, pareikšti kai kuriuos samprotavimus apie vertimo atsiradimo datą.

Turimos medžiagos analizė leidžia daryti išvadą, kad leksikiniai faktai, nežiūrint į kai kuriuos prieštaravimus ir nesutapimus, daugiau kalba už tai, kad Lietuvos Statuto vertimas į rusų (didžiarusių) kalbą yra vėlesnės kilmės, atsiradęs maždaug antroje XVII a. pusėje.

Galimas dalykas, kad maskviško vertimo atsiradimas yra susietas su G. Kotošichino vardu, kuris dirbo „Pasiuntinių Prikaze“ nuo 1645 iki 1664 metų.
